

Командир Пэй умудрился улизнуть. Весь день он пропадал где-то на огромной территории военно-морской базы, и Чжан-цзун никак не мог выследить своего строптивого хищника.

Когда наружу всплывают тайны, бьющие по мужскому самолюбию, даже между близкими людьми возникает натянутая, хрупкая неловкость. Чжан-цзун понимал это. Он намеренно ослабил натяжение нити, на которой держал своего воздушного змея, позволяя ему свободно парить. Но из рук поводка не выпускал, твердо зная: его беглец обязательно вернется.

Он тихо пробрался в палату Пэй И. Немного повозился у кровати, превратив раскиданное в беспорядке одеяло в безупречный армейский кубик, и оставил сверху короткую записку.

Покрутившись на улице и не обнаружив никаких следов своего кота, Чжан-цзун заглянул в гарнизонную столовую. Среди плотной толпы офицеров, сосредоточенно брякающих ложками, он сразу приметил один свободный столик. Тот выглядел совершенно иначе.

Место еще никто не занял, а к подставке с меню была аккуратно прикреплена веточка свежих полевых цветов.

Чжан-цзун подошел ближе. Самая обычная местная астра — нежно-голубая, неприхотливая и живучая.

Он занял этот столик, достал голубой цветок и бережно приколот к нагрудному карману рубашки.

"Этот упрямый цветок, — тихо усмехнулся он, — это ведь ты, да?"

Пэй И точно возвращался в палату, заметил безупречно сложенное одеяло и прочел записку. А цветок оставил в ответ — безмолвное, но такое красноречивое признание.

Чжан-цзун вытянул из подставки чистую салфетку. И что с ней делать?

Будь на его месте женщина, она бы просто нарисовала помадой сердечко.

В итоге Чжан-цзун все-таки поднялся и, наступив на горло собственной гордости, пошел просить помаду у раздатчицы. Та уставилась на него так, словно перед ней стоял законченный извращенец.

Чжан-цзун лишь мысленно рассмеялся — ведут себя как глупые подростки. Но за этой ребяческой игрой крылась глубокая, щемящая нежность, которую невозможно было облечь в слова. Чжан-цзун вывел на салфетке помадой силуэт кругломордого кота.

Провел мозолистым пальцем по нарисованной мордочке, прижал салфетку к столу и вышел.

Возвращаясь из уборной, он снова бросил взгляд на столик. Ну конечно: грязная посуда осталась на месте, а вот салфетки и след простыл. Маленький воришка утащил добычу бесшумно и ловко.

Когда Шаочи вернулся в больничное крыло, навстречу ему из палаты Пэй И вышла медсестра с медицинским лотком.

— Офицер Чжан, не вздумайте бегать от меня! Пора на уколы.

— Скажите, а командир Пэй сегодня уже прошел процедуру?

— Конечно! Только что закончили, и он сразу умотал.

— ...

Девушка прыснула в кулак, тщетно пытаясь сдержать смех. По ее лицу Шаочи без труда восстановил картину: командир Пэй воровато прокрался в палату, по-быстрому подставил ягодицу под иглу, а затем, пунцовый от смущения, натянул брюки и бросился наутек, безумно боясь попасться на глаза своему мужчине...

Под строгим конвоем медсестры Чжану пришлось вернуться к себе, выпить таблетки и измерить давление.

Затем он бесцеремонно забрал у нее шприц:

— Дальше я сам.

Девушка попыталась возразить: как он собирается делать укол сам себе, это ведь жутко неудобно!

— Пустяки, — отрезал Шаочи. — Внутривенно или в плечо тоже сойдет. Я привык со всем справляться в одиночку.

Разумеется, Чжан Шаочи и не догадывался, почему не мог поймать своего кота, хотя сам постоянно находился под его прицелом. Пэй И попросту подкупил всех медсестер в отделении, превратив девчонок в личную агентурную сеть. Взамен он пообещал каждой по эксклюзивному снимку своего младшего брата Пэй Яня — восходящей звезды боевиков — с голым торсом и личным автографом.

Выкроив минутку, Шаочи связался с Салихом. Теперь он мог звонить принцу напрямую через его личного секретаря, получив VIP-доступ к «королевской линии».

Он вежливо поинтересовался здоровьем старшего принца Заида, выразил надежду на скорое выздоровление и договорился с Салихом при первой возможности приехать на отдых в Абу-Даби.

Принц тут же передал устное приглашение:

— Обязательно захватите с собой вашего близкого друга, господина Пэя. Я лично отвезу вас на охоту в национальный парк!

— С удовольствием, — ответил Шаочи. — Ловлю на слове.

Весь этот день они провели порознь, запершись каждый в своем добровольном одиночестве. Они не искали встреч, не тревожили друг друга расспросами, но незримая связь между ними не прерывалась ни на миг.

Наступили сумерки. Огромные военные корабли, пришвартованные в глубоководной бухте, высились неподвижными стальными утесами — надежный, непотопляемый щит, охраняющий покой мирной гавани.

Солнце медленно опускалось в воду, окрашивая волны багровым пожаром заката.

В лучах угасающего дня Шаочи наконец заметил тонкую, прямую фигуру на краю пирса. Пэй И стоял в полном одиночестве, подставив лицо свежему ветру.

Они долго смотрели друг на друга издалека. Наконец мужчина медленно двинулся вперед, пока его силуэт не слился воедино с тенью возлюбленного.

Пэй И сидел на высоком парапете. Шаочи устроился сзади, крепко прижав парня к груди и надежно зафиксировав в своих объятиях — поймал-таки беглеца.

Где-то вдали на палубах величественных крейсеров развевались алые флаги. В эту минуту обоим отчаянно хотелось верить, что человек, который сейчас рядом, — тоже нерушимый, непотопляемый щит. Вот только раньше им обоим не хватало ни чуткости, ни доверия.

Как только солнце скрылось за горизонтом, Чжан поднялся, мягко перехватил запястье парня и повел за собой.

Пэй И на удивление легко подчинился. Не проронив ни звука, он покорно поплелся за старшим. Сделав огромный, мучительный крюк, блудный кот наконец вспомнил дорогу домой.

На столе уже ждали кукурузные лепешки и жареный черный рис, которые Чжан прихватил из столовой. Он заботливо кормил Пэй И с рук, лениво оглаживая его ухо, веки, виски... И мысленно возвращался к тому дню, когда с глупым упрямством допрашивал его:

"Сколько еще секретов ты от меня скрываешь? — вспоминал он свои слова. — Выкладывай все как есть!"

Но теперь он не винил руководство Шестого специального отдела. На подобное безумие мог пойти только сам Пэй И — никто бы не посмел его заставить. Тяжелые железные цепи, сковавшие его тело и душу, он выковал себе сам.

— В душ и спать? — Шаочи выразительно кивнул на ванную.

— Угу, — Пэй И, понутив голову, привалился к косяку. — Только мои вещи остались в палате. Схожу к себе, там и помоюсь.

"Опять сбежать пытается, — подумал Чжан, — паршивец".

Чжан прижал его к себе, поцеловал в лоб и тихо шепнул:

— Никаких «к себе». Мойся здесь. А чистая одежда тебе не понадобится — выходи прямо так, я с удовольствием посмотрю.

Пэй И, понутившись, побрел в ванную, словно нашкодивший кот, утащивший со стола рыбину. Он прекрасно понимал свою вину, заперся изнутри и включил воду.

Больничные палаты на военной базе — далеко не люксы в шестизвездочном отеле. Отдельный санузел здесь полагался только высшему командованию. Шум воды в душевой не прекращался уже очень долго, но Пэй И все не выходил.

Шаочи наконец не выдержал и забарабанил в дверь:

— Малыш?

В ответ раздавался лишь ровный гул воды.

— Пэй И!

Чжан полез в карман, достал пластиковую карту и без лишних раздумий пустил ее в ход. Несколько резких движений в щели косяка — и защелка послушно поддалась. Дверь со щелчком приоткрылась.

Внутри все заволкло густым, горячим паром. Сквозь плотную белую пелену Чжан разглядел Пэй И. Тот сидел прямо на мокром полу, поджав под себя ноги, прямо в уличной одежде и обуви. На него нещадно лилась вода.

Парень поднял голову, смахнул ладонью воду с лица и негромко, гнусая от заложенного носа, выдавил:

— Брат, все нормально. Я просто посижу здесь немного... Дай мне прийти в себя.

— Ну все, будет тебе, — Шаочи присел перед ним на корточки и взъерошил мокрые волосы. — До сих пор злость не прошла? Хочешь, вернемся в изолятор и еще раз начистим рожу этому ублюдку?

— Да что толку от обычного мордобоя, — Пэй И упрямо надулся, в его глазах вспыхнула дикая, мстительная злость. — Я прикажу привязать этого Лэн Сяо к тюремным нарам. Стянуть с него штаны, догола раздеть, и напустить на него Чжоу Биня! Пусть этот мелкий покажет ему все прелести жизни... Тварь молить о смерти будет.

"Закреть дверь, — мысленно усмехнулся Чжан, — и натравить Сяо Чжоу".

Чжан не сдержал смеха. Пэй И с этим кровожадным выражением лица явно планировал лично обучить Чжоу Биня самым изощренным постельным техникам, чтобы растоптать Лэн Сяо морально. Против такого непрошибаемого упрямца, как Чумной Доктор, действительно мог сработать только нежный, но коварный Чжоу Бинь.

Тот всегда был одиночкой, напрочь лишенным человеческой эмпатии. Сразу видно: тяжелое детство и полное отсутствие нормальной взбучки в юности.

"А что насчет самого командира Пэя? — подумал Чжан. — Чего не хватало ему?"

Пэй И вдруг дурашливо склонил голову набок, одну руку задрал вверх, другую опустил, изображая сломавшуюся игрушку, и заговорил прерывистым, металлическим голосом, подражая роботу:

— Пип... Бип... Бип... Я... ро-бот... Хо-зя-ин... Я... твой... слу-га...

Чжан рассмеялся — некоторые вещи действительно не требовали лишних слов. Он придвинулся ближе, целуя мокрые веки парня, его нос, и осторожно потянул вверх, помогая подняться с пола.

— Раз не хочешь спать, я пойду один помоюсь и лягу. Решай сам, — негромко предложил он.

Пэй И опустил глаза:

— Боюсь, ты разлюбишь меня.

— С чего это вдруг мне тебя разлюбить? — спросил Чжан.

— А тебе нравятся роботы? — тихо спросил Пэй И.

Чжан серьезно посмотрел ему в глаза и твердо произнес, выделив последнее слово:

— Мне нравишься ТЫ.

Пэй И наконец решился выложить все до конца. Он приоткрыл рот и ткнул пальцем в левую нижнюю десну:

— Третий моляр слева внизу. Он полый. Там капсула с цианидом.

Чжан резко втянул воздух сквозь зубы.

Он схватил парня за подбородок, пытаясь заглянуть глубже:

— А когда ты ешь? Грызешь кости или хрящи? Не боишься раздавить капсулу?

— А ты часто ломаешь здоровые зубы во время еды? — парировал Пэй И.

Чжан упер руки в бока:

— А когда мы целуемся? Мой язык постоянно там крутится. Мы что, оба можем в любой момент копыта отбросить?

— Запросто! — Пэй И с притворным ужасом закивал головой. — Ты каждый раз этот зуб задеваешь. Так что держи свой язык при себе и больше ко мне не лезь!

Разозленный Чжан бесцеремонно заткнул этот невыносимый рот поцелуем. Зажав парня в углу, он целовал его грубо и жадно, до боли кусая губы, едва не до крови...

Когда они наконец отпрянули друг от друга, воцарилась тяжелая тишина. Пэй И медленно

опустил руку и провел пальцем от середины груди вниз, к паху. Он не знал, как объяснить мужчине, что превратил собственное тело в ходячую бомбу.

— Глупый ты кот, — Чжан осторожно коснулся губами уголка его рта. — Настоящий сумасшедший.

Пэй И не был глуп, но безумие в нем действительно присутствовало. Терзаемый чувством вины, скрытыми комплексами и бесконечным самобичеванием, он легко впадал в крайности. К счастью, его моральные ориентиры устояли, и он выбрал правильную сторону. Иначе его разрушительная сила превзошла бы даже безумие Лэн Сяо.

Он выбрал путь, который считал единственно верным. Пытаясь держать себя под тотальным контролем, парень зашел слишком далеко. Он никогда не причинял вреда невинным, но с пугающей легкостью калечил себя.

Этот бесконечный замкнутый круг породил болезненную, почти наркотическую зависимость: физическая боль стала для него способом заглушить душевные муки. Он подсел на собственные травмы.

— Чего ты так боишься? Скажи мне, чего? — Чжан приподнял его лицо за подбородок, заглядывая в самую душу. — Малыш, тебе больше не нужно бояться. Ты прекрасен. Ты идеален.

Чжан Шаочи начал медленно расстегивать пуговицы на рубашке.

Он молча, не сводя взгляда с Пэй И, снял с себя всю одежду, оставшись полностью обнаженным.

У Пэй И перехватило дыхание, щеки мгновенно вспыхнули лихорадочным румянцем, а взгляд затуманился. Непреодолимая растерянность сковала тело, кончики пальцев мелко задрожали, и он застыл, боясь даже вздохнуть.

Подобного раньше никогда не случалось. Мужчина не стал прижимать его к стене, грубо срывать одежду под струями душа, чтобы заставить дрожать от страха и вожделения, как испуганного котенка, выплескивая накопившуюся похоть.

Наверное, все властные мужчины грешат этим — брать свое свысока, оставаясь застегнутыми на все пуговицы, упиваясь властью над молодым, податливым телом. Чем строптивее вел себя Пэй И, тем сильнее Чжану хотелось подчинить его, проучить, теша собственное эго и не замечая, насколько ранима душа этого гордого мальчика.

Но в этот раз все было по-другому.

Чжан Шаочи понимал: его возлюбленный больше не должен униженно стоять на коленях, словно беззащитная игрушка. Этот парень был рожден великолепным, гордым хищником, а не покорной жертвой.

— Смотри на меня, — негромко произнес Чжан. Его широкая, тренированная грудь тяжело вздымалась в теплом полумраке.

Взгляд Пэй И поплыл, дыхание пресеклось, кадык судорожно дернулся. Это великолепное бронзовое тело, источающее первобытную мужскую силу, всегда лишало его воли.

— Тебе нравится? Нравится смотреть? — тихо спросил Чжан.

Пэй И словно под гипнозом послушно кивнул. Как он мог не любить это тело?

Чжан мягко улыбнулся. Он гордился своей физической формой, выкованной годами изнурительных тренировок и суровых испытаний. Стоило ему раздеться и показать рельефную мускулатуру, как его маленький шпион тут же терял остатки самообладания.

А затем мужчина медленно опустился перед ним на одно колено.

Такого обезоруживающего зрелища Пэй И еще не видел — полностью обнаженный, солидный мужчина стоит перед ним на коленях. Чжан хищно улыбнулся. В этом жесте не было ни капли унижения, лишь абсолютная, честная нежность. Он протянул руку и уверенно потянул вниз бегунок на брюках возлюбленного.

Пэй И задрожал всем телом. В груди разлилось невыносимое, удушающее тепло. Он судорожно вцепился в пояс брюк, не давая их стянуть, и закрыл лицо локтем:

— Не надо... Брат...

Перед глазами поплыли багровые круги, жар сдавил виски, удушливый пар ванной внезапно сменился раскаленным воздухом двухлетней давности.

Сухое, безумное лето. Бетонный карцер, похожий на духовку. Он падал в обморок от обезвоживания, губы растрескались в кровь, но его снова и снова приводили в чувство, выливая на голову ведра ледяной воды... Слепящая лампа прямо над головой. Три дня и три ночи без сна. Пот катился по лицу, скапливаясь на подбородке, и крупными каплями падал на обнаженную грудь.

Высокая фигура перед ним дышала тяжело, с хрипом. От нее исходил резкий, животный запах...

Лэн Ху тогда точно так же опустился перед ним на одно колено. В его глазах горело безумное, фанатичное обожание. Это походило на священный ритуал жертвоприношения, где грань между жрецом и жертвой давно стерлась.

Испытание, через которое тогда прошел Пэй И, превзошло самые жестокие тренировки его юности. Оно взломало барьеры его разума и тела. Именно тогда он осознал: он вовсе не железный. У него есть уязвимые, смертельные слабости.

Беглый преступник Лэн Ху был законченным психопатом. Его влечение превратилось в манию, собравшую в себе все худшие проявления: слежку, похищение и безумную жажду контроля. Такие люди рождаются лишь для того, чтобы стать пищей для дьявола.

Однако операция Североафриканской оперативной группы А потерпела сокрушительный крах. Его люди попали в капкан из-за одной-единственной его ошибки. Из-за секундного промедления.

Цена этой задержки оказалась непомерной. За его слабость другие заплатили кровью и жизнями.

Бронетранспортер на полной скорости подорвался посреди пустоши. Взрыв, грохот, пламя до небес.

Полный ужаса девичий крик до сих пор звенел в ушах. Она была слишком далеко. Он тянул руку, сдирая пальцы в кровь, но не мог дотянуться.

Он чудом ухватил Не Янь за руку, втащил раненую напарницу на склон. Вокруг свистел свинец, пули ложились плотным дождем, перекрестный огонь отрезал единственный путь к спасению, зажимая их в огненном кольце.

В самый последний момент их снайпер вылетел на машине прямо под обстрел, отвлекая огонь на себя. Одной рукой он крутил руль, другой отстреливался, наповал уложив вражеского стрелка, а затем бросил руль, перехватил винтовку и в упор расстрелял укрепление противника...

— Нет! Вэнь Юй!!!

Он до сих пор помнил надрывный крик Не Янь. Конец был предreshен. Снайперы с обеих сторон выстрелили одновременно.

Вспышка сквозь пороховой дым. Струя крови, брызнувшая из затылка Вэнь Юя к серому небу, навсегда отпечаталась в памяти Пэй И.

Он видел, как внедорожник потерял управление и рухнул в пропасть, разлетевшись на куски

при взрыве. Его верный боевой товарищ погиб. В наушнике больше никогда не раздастся этот спокойный, низкий голос: «Я на позиции, командир».

Это была невыносимая, черная боль.

Вернувшись, командир Пэй погрузился в глубокую депрессию. Он изводил себя чувством вины, считая, что его человеческие желания и слабости — это смертельный дефект. Чтобы полностью подавить либидо, он начал принимать тяжелые гормональные препараты. Вскоре медики забили тревогу и наотрез отказались выдавать ему эти блокаторы из-за угрозы жизни.

Пожилые военврачи из медицинского отдела качали головами и уговаривали его:

— Командир Пэй, вам же всего двадцать с небольшим! Вы молодой, полный сил парень, зачем бороться с природой? От этих таблеток вы угробите здоровье и станете импотентом!

А Пэй И холодно отвечал:

— Я именно этого и хочу.

Чудовищная вина требовала выхода, перерастая в изощренную форму самоистязания. Даже угрозы и мольбы начальников Ляня и Чэня не смогли остановить его от безумного шага. Он добровольно согласился вживить себе под кожу микродетонатор.

Физическая боль помогала ему заглушить ненависть к самому себе. В те черные дни только это безумие удерживало его на плаву. По сравнению с гибелью друзей, его собственные страдания казались ему ничтожными.

Если ты не можешь затушить огонь ада, стань этим адом и сгни дотла.

Чжан силой отвел его руку от лица, заставляя открыть глаза:

— Смотри на меня, малыш... Тебе нравится? Тебе хорошо?

Пэй И, прерывисто дыша, закивал.

— Тебе тепло? Ты счастлив?

Парень дрожал всем телом, соглашаясь со всем.

Этот мужчина буквально сорвал с него маску холодного робота, вытащил живую, трепещущую душу из бронированной скорлупы и крепко прижал к себе.

В этот миг все психологические барьеры рухнули. Пэй И заплакал, задыхаясь от нахлынувшего облегчения и нежности, готовый умереть от этого сладкого избавления.

В глубине души он признавал свою слабость — его непреодолимо тянуло к сильным, доминантным мужчинам. Но его работа была слишком опасной, а мир вокруг — слишком безжалостным. Эта тайная страсть порой заводила его на край пропасти...

Он не умел говорить о любви. Вынужденная разлука с Чжаном стала для него незаживающей раной, и от бессилия он возненавидел свои самые обычные человеческие желания.

Чжан слизнул влагу с его губ, прижался теснее и поцеловал глубоко, до головокружения, заставляя делить одно дыхание на двоих.

— Тебе хорошо, малыш?

— Да...

— Я буду делать тебе хорошо всю жизнь, — тихо, но твердо пообещал он. И это не было дежурным утешением.

Взгляд Пэй И снова загорелся прежним, живым огнем:

— Брат, я дурак. Прости меня.

— За что ты просишь прощения?

— Я так сильно пожалел, что ушел от тебя. С каждым днем мне становилось все хуже. Я с ума сходил от тоски по тебе каждую ночь. Иногда было так невыносимо, что хотелось вскрыть себе вены... Поэтому я и стал пить те таблетки. Думал, если убью в себе все чувства, то перестану тосковать. Прости, у меня тогда совсем крыша ехала. Теперь я наконец начинаю понимать.

Он извинялся искренне, глядя на Чжана чистыми, блестящими глазами.

"Неужели за одну ночь поумнел?" — Чжан вздохнул, ласково погладил его по голове и снова прильнул к его губам. Их тени на стене слились в одну.

Проблемы никуда не делись. Чжан давно ушел из армии и обезвреживать живые бомбы не умел — у него была совсем другая военная специальность. Он держал этого парня бережно,

как драгоценное сокровище, всерьез опасаясь, как бы в порыве страсти случайно не привести в действие детонатор.

Лунный свет заливал постель. Пэй И доверчиво прижался к своему защитнику, укрывшись в его надежных объятиях.

За окном тихо шелестели кокосовые пальмы, набегали на песчаный берег белые волны. А где-то далеко, сквозь пелену времени и пространства, грохотали орудия, разносясь над душной, непроходимой чащей тропических лесов.

Том IV. Охотники джунглей: Души героев

<http://bllate.org/book/19434/1999050>